

- Акты*, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1659–1665. СПб.: Тип. Праца, 1867. 335 с.
- Акты*, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 6. 1665–1668. СПб.: Тип. Праца, 1869. 280 с.
- Літопис Самовидця* / видання підготував Я. І. Дзира. Київ: Наукова думка, 1971. 207 с.
- Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейгауз, 2006. 48 с.
- Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 223 с.
- Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. Вып. 1. С. 49–83.
- Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М.: Наука, 1987. 272 с.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. Кн. VI. Т. 11–12. М.: Мысль, 1991. 666 с.
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 1992. 280 p.

УДК 94 (47).066.2

ББК 63.5

УЧАСТИЕ СВОДНОГО ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ КНЯЗЯ А. ДОНДУКОВА В КУБАНСКОМ ПОХОДЕ В 1771 г.

В. В. Батыров

В отечественной историографии участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. обычно ограничивалось периодом до ухода калмыцкого народа в Джунгарию в 1771 г. К тому же в дореволюционной и советской исторической литературе военным действиям на Северном Кавказе по большей части не придавалось большого значения. Например, в объемном труде К. А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами, с 1768–1774 г.», вышедшем в 1866 г., боевые действия на Северном Кавказе не упоминаются [Петров 1866]. Соответственно и роль калмыков в русско-турецкой войне в большинстве случаев оставалась незамеченной.

Между тем, с началом русско-турецкой войны калмыки активно участвовали в походах на Кубань в 1769 г. и 1770 г. Весной 1770 г. наместник Калмыцкого ханства Убаши отправил 5 000 калмыков в армию графа А. А. Прозоровского в Молдавию. 2 июня 1770 г. наместник Убаши, действуя уже самостоятельно, отправил отряд в 1 500 человек под командованием нойона Емёгень Убаши на г. Копыл. 9 августа 1770 г., переправившись через р. Кубань, наместник Убаши с калмыцким войском и отрядом полковника И. А. Кишенского атаковал кубанцев. После недолгой битвы, потеряв убитыми 100 человек, кубанцы отступили.

Командующий русскими войсками на Кавказе генерал-майор И. Ф. де Медем

остался недовольным преждевременным открытием военных действий на Кубани. Не имея достаточного количества войск для продолжения операций на Кубани, он рассчитывал довольствоваться формальной «покорностью кубанцев», но действия калмыков нарушали его планы. Чтобы удержать калмыков от последующих походов, И. Ф. де Медем выступил в верховья р. Калаус и 20 августа объединился с калмыцким войском. 27 августа, когда наместник прибыл к И. Ф. де Медему для обсуждения дальнейших планов, между ними произошел конфликт, после которого Убаши собрал свои войска и 31 августа 1770 г. ушел на Волгу, сославшись на необходимость пополнения войск и продовольствия. Следующая встреча была назначена на октябрь–ноябрь 1770 г., но больше И. Ф. де Медем и Убаши уже не встречались. В январе 1771 г. большая часть калмыцкого народа во главе с наместником ханства Убаши покинула пределы Российской империи и ушла в направлении разгромленной к тому времени цинскими властями Джунгарии.

Участие калмыков в кампании 1770 г. обычно считается последней датой их участия в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Так, в начале XX в. калмыцкий историк Е. Ч. Чонов, рассматривая роль калмыков в русско-турецкой кампании, писал: «Следующий затем сорокалетний период, с 1770 г. вплоть до Отечественной войны, не отмечен

никакими особенными военными действиями калмыков, не считая похода калмыков в 1796 г. под предводительством Сербеджаба Тюменя против кавказских горцев» [Чонов 2006: 34]. В 1960 г. Т. И. Беликов указывал, что после ухода калмыков 5 января 1771 г. генерал-майор «де Медем со своим малочисленным отрядом вынужден был простоять на линии, не предпринимая активных действий» [Беликов 1960: 75]. Первое появление калмыцких войск в составе русских войск после 1770 г. Т. И. Беликов относил к 1774 г., когда 1 000 калмыков участвовали в походе генерал-поручика И. Ф. де Медема против «каракотайского уцмья Эмира-Эмзе» [Беликов 1960: 75]. Военный историк К. П. Шовунов также отмечал, что калмыки после конфликта наместника Калмыцкого ханства Убаши с генерал-майором И. Ф. де Медемом в 1770 г. в русско-турецкой войне больше не участвовали [Шовунов 1991: 169].

Необходимо отметить, что после ухода калмыков в Джунгарию в начале 1771 г. военные действия на Северном Кавказе были фактически прекращены. После ухода калмыков, выполнявших охрану южных границ России, российскому правительству пришлось пересмотреть свои действия на Северном Кавказе. Генерал-майор И. Ф. де Медем почти не проводил военных операций, за исключением похода майора Криднера, когда «летом 1771 г. князь Сокур Арсланбек Аджи¹ разграбил станицу Романовскую — часть жителей изрублена, остальные попали в плен. Через Кубань пленников перенесли в брод, получившему затем название Романовский», где «хищников» догнали войска и разбили их [Скиба 2005: 18–34].

Этот факт упоминался у П. Г. Буткова, который писал, что «в 1771 году корпус моздокский никаких движений не производил, кроме, что когда Сокур-Аджи-Мурза Расламбеков закубанский (тот, который 1765 года приступал к Кизляру) с Кубанцами проникал до селений Донских Казаков, кои тогда находились в армиях, и разорил Романовскую станицу, то на обратном пути встречен из корпуса моздокского майором Криднером, преследован за Кубань и там в аулах его разбит» [Бутков 1869: 306]. Позже А. Новиков уточнял: «в начале 1771 г. ушли калмыцкие улусы и этим воспользовался

горский князь Сокур-Аджи Карамурзин, и 30 июня 1771 г. он напал и разграбил станицу Романовскую. Было убито 7 казаков, 54 угнано в плен» [Новиков].

Однако продолжение военных действий на Кубани было неминуемым. Уход калмыков сильно ослабил границу России, поскольку степь между Доном, Волгой и Предкавказьем оказалась фактически без защиты. А. В. Потто писал, что после этого «вся степь между Волгой и рекой Калаус опустела до такой степени, что когда Аджи Карамурзин в 1771 году сделал набег, то черкесы беспрепятственно дошли до земли Донского войска и разорили там Романовскую станицу и только уже на обратном пути имели небольшую перестрелку с гусарами майора Криднера, которые преследовали их до Кубани» [Потто 1887: 60].

Между тем, выявленные архивные материалы позволяют утверждать, что участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. продолжалось и в 1771 г. Судя по документам, поход майора Криднера, который был связан с нападением Сокур-Аджи, также известным в литературе как «Романовское разорение», на самом деле проходил под командованием полковника Алексея Дондукова и с участием калмыцких войск, которые составляли большую часть отряда [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17]. Князь А. Дондуков² происходил из рода известного калмыцкого хана Аюки, являлся сыном калмыцкого хана Дондук Омбо и был владельцем Багацохуровского (т. е. Малого Цохуровского) улуса.

Летом 1771 г. полковник А. Дондуков во главе своего сводного отряда по приказу генерала-майора И. Ф. де Медема выдвинулся на р. Калаус для разведки и прикрытия донских станиц от набегов со стороны жителей Кубани. В войско полковника входил моздокский отряд секунд-майора³ Криднера, два отряда казаков Войска Донского во главе с походными полковниками Петром Курбаковым и Карпом Киреевым, отряд поручика князя Уракова и артиллерия под командованием поручика Масалова. Также в походе участвовало 1 500 калмыков во главе с хошутским владельцем, нойоном Теке (по всей вероятности, отряд был сборным, из разных калмыцких улусов), которые и

¹ Сокур Арсланбек Аджи в источниках также упоминается под именами: Сокур-Аджи, Сокур-Аджи-Мурза Расламбеков, Сокур-Аджи-Мурза, Сохур Аджи, мурза Сохур Арсланбек.

² Дата рождения неизвестна, дата смерти — 15 апреля 1784 г. [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 179. Л. 150].

³ Секунд-майор — военный чин VIII класса, следовавший за чином капитана, существовал в России с 1716 по 1797 гг.

составляли большую часть войска [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142].

Восстановить события похода полковника А. Дондукова можно по поданному им рапорту на имя генерал-майора Ивана Федоровича де Медема. В документе указывалось, что 3 июля 1771 г. «прибыл я с войском имеющимся при мне российским и калмыцким на реку Калауз при которой для зделания чрез оную моста». При осмотре территории на обоих берегах р. Калаус были обнаружены следы до «мест здешняго лагеря пребывания», которые посчитали принадлежащими российской разъездной команде. Другая команда, посланная к броду, через который в прошлом, 1770 г., калмыцкое войско переходило за р. Кубань, также «никакого вида неприятельского не усмотрела» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142].

Не обнаружив неприятельских следов, князь А. Дондуков, предполагая, что их надо искать в «гораздо нижних по Кубани местах», проследовал от р. Калаус на р. Зегерлик, «посылая между тем вперед еще надежных людей, приказав им ехать до самой крайней от шести вод речки». Через 10 дней после нахождения на р. Зегерлик посланные им разведчики принесли известие о том, что по ту сторону «речки Ханали усмотрены свежие следы лежащие от Дону до Кубани». Это и были следы отряда Сокур-Аджи, возвращавшегося после разграбления 30 июня 1771 г. станицы Романовской. Разведчики пришли к выводу, что это следы «немалочисленной партии» и, несомненно, они были оставлены неприятелями, которые возвращались с набега. В тот же день князь А. Дондуков, «оставя излишние тягости на Зегерлике за надлежащим присмотром», вместе с секунд-майором Криднером начал преследование «на легке» к р. Кубань, взяв с собой артиллерию под командованием поручика Масалова [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142].

После перехода р. Ханали полковник немедленно выслал отряд для получения сведений о противнике и обнаружения места их переправы за р. Кубань. Вечером 11 июля 1772 г. отряд обнаружил место переправы неприятеля через р. Кубань рядом с впадающей в нее р. Шарбаса. Здесь им встретился молодой человек русской национальности, который рассказал, что «он 30 минувшего июня <...> человеках в шестидесяти мужеска и женска полу людей захвачен был подбежавшею с Кубани неприятельскою партией из Донской Романовской стани-

цы, но по переправе через Кубань изыскав способ в ночное время от них бежал назад тому четвертой день», а командовал нападением «известной вор кубанский мурза Сохур Араслан бек», который со «своими аулами и протчими кубанскими татарами кочевье имеет между рек Лабою и Кубанью, неподалеку от последней» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142об.].

Получив эти сведения, полковник А. Дондуков, хотя и знал, что есть «две к тому препоны первую, настоящее сей реки половодие (в каковое время прежде здешняя войски переправляться на ту сторону способа не имели), а другую, болезнь⁴ там опасную о которой ваше превосходительство пред сим ордером мне знать дать уже изволили», но, «положась на сохранение божие, желая нетерпеливо злодеям сделать возможное отомщение разсудил для сего скрытно переправить за Кубань потребное число надежных людей» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 142об.].

В этом решении князя поддержал и опытный в военном деле секунд-майор Криднер, который в своем письменном рапорте на имя А. Дондукова выразил свое мнение, что отряд, включавший 400 человек из регулярных войск и 1 500 калмыков, представлявших нерегулярное войско, сможет успешно напасть на место пребывания Сокура-Аджи на р. Кубань ночью, пока неприятель будет охвачен глубоким сном [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143].

Князь А. Дондуков приказал секунд-майору с конным отрядом в 400 человек, в их числе и калмыкам, «следовать ради проведения сего намерения в действо прямо потому неприятельскому тракту; а меня ради сикурсу⁵ своего з достаточным войском и артиллериею прибыть на Кубани у переправы неприятельской ожидая 14 (т. е. 14 июля 1771 г.) поутру рано». Под командование секунд-майора Криднера передавались отряд поручика князя Уракова, отряд казачьего походного полковника Петра Курбакова, отряд казачьего походного полковника Карпа Киреева, а также калмыцкое войско под командованием нойона Теке. Сам А. Дондуков остался с пехотными частями и артиллерией [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143].

Вечером 13 июля 1771 г. согласно утвержденному плану А. Дондуков отправился к

⁴ Речь идет об эпидемии чумы [Карпов, Коган 1994: 66].

⁵ Франц. «secours» — помощь.

р. Кубань, однако ночью секунд-майор Криднер дал знать, что местонахождение противника гораздо ниже по течению р. Кубань, чем предполагалось. Это привело к тому, что А. Дондуков с отрядом еще несколько часов двигался к другому месту по р. Кубань. В то же время секунд-майор скрытно передвигался по «неприятельскому тракту», выслал на разведку кизлярского дворянина Семена Наумова и сотника Терского войска Ивана Блишуккина, от которых он получил сведения, что неприятель расположился за р. Кубань «разстоянием от сея реки верстах в пяти» возле переправы под названием Ялан Кечу [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143].

Узнав точное местонахождение противника, секунд-майор немедленно стал переправляться через реку, используя при этом предусмотрительно взятый с собой *каюк*⁶. Полковник А. Дондуков с войском, несмотря на начавшийся сильный дождь и «тяжелый ход» артиллерии, к рассвету прибыл к той же переправе. Дождь помешал секунд-майору Криднеру переправить свою команду через реку до рассвета, поэтому он приказал калмыкам во главе с Теке переправляться только с копьями и саблями, так как ружья при отсутствии лодок было невозможно перевезти [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143об.].

После того как калмыки со своими зайсангами во главе с нойоном Теке, а также отряды секунд-майор Криднера совершили переправу и отправились в сторону неприятеля, полковник А. Дондуков организовал на переправе «при дву артиллерийских орудиях караул» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 143об.], сам же для «показания большего неприятелю страха» с последним артиллерийским орудием двинулся вниз по р. Кубань на расстояние шести верст и остановился напротив кочевья неприятеля у переправы под названием Ялан Кечу, чтобы в случае опасности оказать помощь или прикрыть отступающих людей из отряда секунд-майора Криднера «и доказать неприятелю, что кроме оной команды и еще довольно число к военному действию готового войска на сей стороне осталось». С этой же целью с началом нападения команды секунд-майора Криднера на обеих переправах артиллеристы сделали предупредительные выстрелы из пушек. После того как войска скрылись из вида, двигаясь в направлении р. Лаба, для подкрепления отряда секунд-майора артиллеристы направи-

ли к нему одно орудие с верхней переправы [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 144].

Оставшиеся на обеих переправах пехотные войска во главе с А. Дондуковым также собирались идти на помощь, но вечером вернулся «посланной для получения того известия зайсанг» и объявил, что секунд-майор Криднер с командой движется обратно к верхней переправе. А. Дондуков с оставшимися при нем войсками оставил нижнюю переправу и, «оставя при оной только один караул», стал двигаться на соединение с секунд-майором. Как только секунд-майор Криднер переправился через реку, «по отбрании от него репорта» стали известны все перипетии случившегося сражения. Оказалось, что при следовании к неприятельским аулам секунд-майор отправил вперед 100 человек из отряда поручика князя Уракова во главе с казачьим полковником Карпом Киреевым. Они быстро догнали кубанцев, которые спешно откочевывали «з домами» к р. Лаба «от Кубани верстах в пятнадцати» и сразу же их атаковали, задержав до подхода главных сил. Секунд-майор Криднер с войском по прибытии атаковал неприятеля и отрезал кубанцев от р. Джикинли, топкие берега которой были покрыты густым камышом. На ее берегах и развернулось жестокое сражение, которое началось в 5 часов утра, «причем, хотя к неприятелю от окрестностей в помощь войско прибавлялось», однако отряд секунд-майора, невзирая на превосходство в численности неприятельского войска, с «великою храбростью, отвагою и проворством» обратил неприятеля в бегство. Российские войска гнались за кубанцами сколько было сил «и поражение делали», пока не устали лошади, изнуренные походом. На обратном пути, оставив погоню, секунд-майор встретил и артиллеристов, посланных к нему на помощь с орудием [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 144об.].

Между тем, бежавшие с поля боя кубанцы снова начали организовываться — «толпами показываться паки [т. е. опять]», но, увидев в этом возможность полного разгрома неприятеля, секунд-майор Криднер повторно их атаковал, и, хотя и с трудом, догнал и оставшиеся аулы, которые прикрывались конными и пешими неприятельскими воинами, и «вовсе истребил», после чего «оставшей же неприятель видя себя в отчании обратился паки в бег, которого и догнать уже было не можно». В ходе сражения войско Криднера отделилось от

⁶ Каюк — лодка-долбушка, однодеревка.

р. Кубань уже на 30 верст. Имея на руках тяжелое орудие, уставших лошадей, а также в связи с наступлением вечера секунд-майор со своим отрядом стал возвращаться к переправе. В результате позднего возвращения, чтобы «не последовало в ночи на сию команду какого неприятельского ко отмщению покушения», секунд-майор оставил на переправе 200 человек под командованием поручика князя Уракова с артиллерийским орудием (которое было послано ему на помощь). Собрав оставшихся людей, жаждущие мщения кубанцы уже в полночь дважды делали «скрытные подбеги», но оба раза были отбиты и, понеся потери, к утру были вынуждены оставить свои замыслы [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 144об.–145]. Эти ночные стычки и стали завершением сражения.

Итоги сражения были подведены полковником А. Дондуковым, писавшим, что «при сем сражении с неприятельской стороны сколько можно было по тракту и на местах пребывания их изчислить, побито (т. е. убито) двести тридцать два человека, в том числе несколько мурз и узденей их». В сражении погиб Би Араслан — старший сын Сокур-Аджи, «да в воде потопился сын онаго Би Араслана трехлетний». Отмечалось, что была разорена 741 кибитка «со всеми пожитками», которые, по полученным сведениям от пленных, состояли из подвластных мурз Сокур Аджи, Замада, Алахая, Мамы, Тогуна, Дуулат Гирея, Шангизы и Би Араслана. В плен было взято «людей мужеска и женска полу старых и малолетних до трехсот». В плен также попала и «Хасбулатова дочь и Бек мурзина жена с дочерью малолетнею». Был захвачен скот: «лошадей быков и коров, овец и коз в добычу получено до тринадцати тысяч, и с которого большая часть рогатой, да в воде при переправе чрез Кубань сверх того потоплено». И, наконец, были освобождены три грузина и русские жители станицы Романовской (двое мужчин и трое женщин из угнанных шестидесяти «мужеска и женска полу людей») [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 145об.]. Интересно, что в числе имущества князя Дондукова упоминался панцирь «Алтыншиге с наручами и перчатками панцырными», который был подарен ему в 1771 г. в Кабарде (т. е. возможно это был не подарок, а трофей) [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 190. Л. 109об.].

В сражении погибло четыре казака Войска Донского, еще один утонул при переправе. Ранены были четверо казаков и один

«дербетев» калмык по имени Бар. Раненый Бар оказался героем сражения, который, по «достоверному свидетельству» товарищей, сразил старшего сына Сокур-Аджи мурзу Би Араслана и «платье на нем бывшее, также и саблю ево в добычу получил» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 146].

После сражения князь А. Дондуков не стал задерживаться на Кубани в связи с истощением лошадей, а также резонно опасаясь свирепствовавшей там эпидемии чумы, — «о которой и пленные показывают, что за Лабою точно она продолжается». Как раз в ту сторону и ушел разбитый в сражении Сокур-Аджи с оставшимися при нем людьми, поэтому речи о продолжении его преследования не возникло. 15 июля 1771 г. князь А. Дондуков со своим «деташаментом»⁷ двинулся к лагерю, оставшемуся на р. Зегерлик, куда прибыл 18 числа, а оттуда, не задерживаясь, проследовал на р. Калаус и далее на р. Куму, двигаясь на соединение с войском генерал-майора И. Ф. де Медема.

При возвращении с Кубани люди полковника А. Дондукова обнаружили следы, по которым выяснили, что «бывшей на Дону неприятель ис жилищ своих» следовал от урочища Йош Кул⁸, которое находилось «подле самого Азовского моря по ту сторону шести вод». Следы также поведали о том, что неприятельская партия состояла из трех частей, причем следы одной из них вели по направлению к калмыцким улусам. Встревоженный полученными вестями полковник со своим войском оставил решение идти к генерал-майору И. Ф. де Медему и немедленно двинулся по следам, чтобы догнать, уничтожить противника, угрожавшего калмыцким улусам, и «отвратить <...> и последнюю партию от желаемого злаго предприятия» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 146].

В своем рапорте полковник А. Дондуков отметил в заключение, что «бывшая против неприятеля российския и калмыцкие войска весьма изрядно и храбро поступали». Особо полковник отметил действия секунд-майора Криднера, который «разумным своим рассуждением и добрым поведением находясь в здешнем дешатаменте подчиненных ему содержит в надлежащем порядке и повиновении, и при нынешнем с неприятелем поступке весьма оказал себя мужественно и храбростию равно и не-

⁷ Деташамент — отряд, подразделение.

⁸ Возможно, Уш-куль — горы в верховьях Кубани, тюрк. «три озера» [Коков 1974: 43].

устрашимостью своею во всяких препонах старался оные возможными способами преодолеть и зделать неприятелю вред а Высочайшему Ея Императорскому Величества интересу пользу» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 17. Л. 146об.].

Таким образом, выявленные архивные материалы свидетельствуют, что в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. калмыки продолжали защищать южные рубежи России и после ухода их большей части в 1771 г. в пределы Джунгарии. В результате похода князя А. Дондукова была разбита кубанская группировка враждебных России племен (мурз Сокур-Аджи, Замада, Алахая, Мама, Тогуна, Дуулат Гирея, Шангизы и Би Араслана). Возглавляемый им отряд поставил заслон на российских границах. Найденный источник также показывает способы и методы ведения военных действий регулярных российских и иррегулярных калмыцких войск в конце XVIII в. и содержит новые сведения по «Романовскому разорению». По данным выявленного нами архивного дела, настоящим командиром кубанского похода и спасителем жителей станицы Романовской является полковник А. Дондуков.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 144 с.
- Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 3. СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1869. 657 с.
- Карпов А. Н., Коган В. Г. Азовский флот и флотилии. Таганрог: Сфинкс, 1994. 296 с.
- Коков Дж. Н. Адыгская (Черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. 54 с.
- Новиков В. Три станицы [электронный ресурс] // URL: www.nativregion.narod.ru/simple_page17.html (дата обращения: 15.05.2012).
- Петров К. А. Война России с Турцией и польскими конфедератами, с 1768–1774 г. Т. III. год 1771. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866. 364 с.
- Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Том I. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
- Скиба К. В. Из истории «Малой кавказской войны» на Кубанской линии. Армавир: Армавир. гос. педагог. ин-т, 2005. 123 с.
- Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Чонов Е. Ч. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.

УДК 94(47).083
ББК 63.3

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ВЛАСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. (на примере города Ставрополя)

А. А. Кондрашова

Отношения общественности и власти в России требуют научного анализа всей эволюционной картины их взаимодействия. Современная методология исторической науки позволяет осмыслить не только трудности их отношений, но и реакцию общественности на политику власти в регионах, а также в конкретных исторических ситуациях. В связи с реформированием всех уровней государственного управления возрастает необходимость рассмотрения данного вопроса, в том числе в контексте исторического опыта, позволяющего проследить процесс становления существовавшей системы местного управления и самоуправления в России, выделить в нем конструктивные доминанты и использовать их в современной практике.

Первая русская революция открыла новый период политических изменений и революционных потрясений общественной жизни царской России. В дореволюционной историографии на первый план выдвигалось изучение событий 1905–1907 гг. [Грингмут 1908; Черняев 1906]. Это было связано с определением дальнейших перспектив политического развития страны, а также с выработкой стратегии и тактики всеми участниками революционной борьбы.

В работах советского периода даются характеристика и анализ состава движущих сил в первой русской революции. Теме взаимодействия самодержавия, дворянства и буржуазии посвящены труды В. С. Дякина,